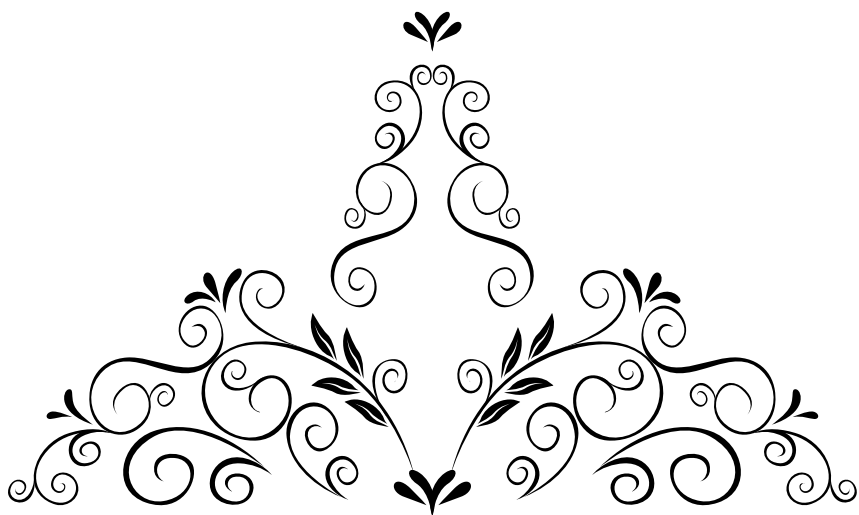
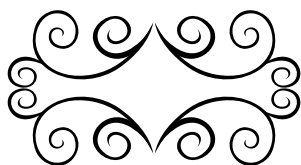
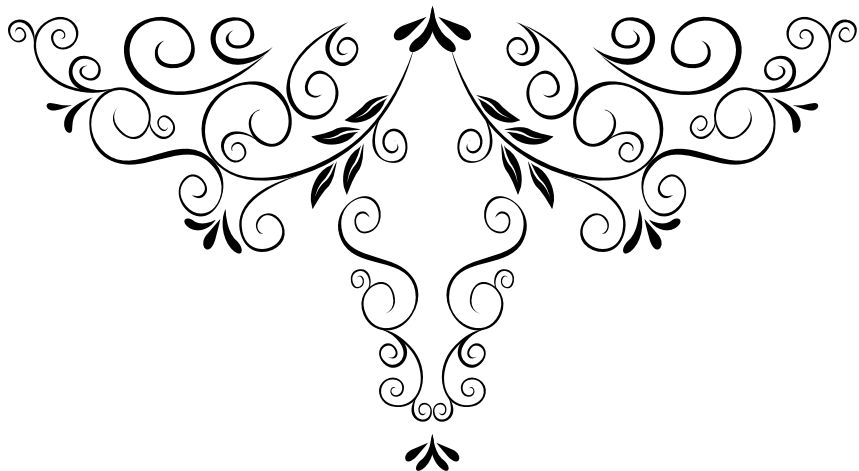

Как, зеркало, ты, лживое стекло,
Равняться с ней позволить мне могло?

Уильям Шекспир
«Сон в летнюю ночь»

Зорко одно лишь сердце. Самый главного глазами не увидишь.

Антуан де Сент-Экзюпери
«Маленький принц»

ГЛАВА 1

ПОРУЧЕНИЯ И ГАЛСТУКИ

Лондон, 1857

В лавке подержанных дамских туалетов было темно, портнихе приходилось низко склоняться над платьем, чтобы разглядеть шов. Уинифред, сидевшая у окна и от скуки пытавшаяся поймать собственное отражение в мутном, засиженном мухами стекле, начинала злиться. Нерасторопная портниха сняла с нее последние мерки еще час назад — и все никак не могла закончить.

— Долго еще? — с недовольством спросила она, постукивая по полу ножкой.

Швея взглянула на нее исподлобья и лизнула нитку.

— Почти готово, мисс. Только кружева на рукаве остались.

— Пошевеливайтесь.

Портниха еще ниже склонилась над шитьем, и Уинифред удивилась, как женщина до сих пор не выколола себе глаз.

Голубое бальное платье в ее руках наверняка попало в лавку после смерти какой-нибудь богатенькой леди. Мистер Уоррен приобрел его специально для сегодняшнего вечера, наряд ушили и отделали по последней моде. Уинифред представила, сколько хозяину могла стоить такая переделка, и ей стало не по себе.

— Готово, мисс!

Сияя, женщина поднялась и расправила платье. У Уинифред на секунду перехватило дыхание — до чего же оно было красивым! Небесно-голубой шелк под слоем газа был невесомо расшит райскими птицами, а по плечам, коротким рукавам и воланам юбки струилась белая пена кружев. Ей захотелось потрогать складки, но вместо этого она вздернула подбородок и надменно взглянула на портниху.

— Кто-нибудь в городе мог видеть его на прошлой хозяйке?

— Нет, мисс. Вернее... Я так его переделала, что никто в жизни не узнает, — извиняющимся тоном ответила она.

— Упакуйте, — равнодушно обронила Уинифред и отвернулась к окну, хотя внутри у нее все пело. Ей не терпелось поскорее примерить это прекрасное, восхитительное платье. И пускай даже кто-то видел его — неужели это такая уж редкость, чтобы две лондонские модницы одевались у одной модистки?

Завернув наряд в папиросную бумагу, портниха водрузила сверток ей на руки.

— Этот шелк очень маркий, не запачкайте его ненадежно, мисс.

— Если мне понадобится ваш совет, я обязательно вам об этом сообщу, — процедила Уинифред.

Ее вдруг взбесили и швея, и грязная дешевая лавка, и даже приятная тяжесть свертка с платьем.

— Извините, — пролепетала женщина. Ее увядшие щеки вспыхнули румянцем. — Я могу вам чем-нибудь еще помочь?

Так-то лучше. Уинифред холодно отказалась и поспешила прочь из лавки, брезгливо приподнимая юбки. Она не так давно вылезла из этой грязи, чтобы забыть, как сложно ее отстирать, напоминания ей не требовались.

От лавки до ее дома было меньше квартала. Комнатка, в которой обитала Уинифред, располагалась в «Рассвете» — публичном доме, который держал ее хозяин, мистер Уоррен. В его владении были опиумные притоны в Чайна-тауне, публичные дома в Сохо, рабочий кабинет в Сити и оружейные лавки по всему городу, но больше всего он почему-то любил именно «Рассвет» — свое первое детище, первое приобретение. Почти всегда его можно было найти здесь — в душном темном кабинете, похожем на исповедальню. Подле себя он поселил и Уинифред, свою шпионку.

Она не любила свое жилище, хоть это место было не из худших. С улицы доносилась такая вонь, что она взяла себе за привычку проветривать комнату только после дождя. Иногда по ночам прямо у нее под окнами раздавались истошные крики, как в Уайтчепеле, который она будто и не покидала. Но здесь было чисто, сухо, а самое главное — вся комната была в ее безраздельном распоряжении.

До семи лет Уинифред жила с родителями и девятью братьями и сестрами в трущобах, в крошечной комнатухе без света и мебели. Когда вся семья умерла от холеры, она — крошечный, хилый ребенок — выжила, и ей ничего не оставалось, кроме как отправиться на поиски помощи. И никто не обещал, что ей понравится человек, который предложит эту помощь. Ей вообще никто ничего не обещал.

Игнорируя несмелое приветствие их вышибалы Боуди, Уинифред зашла в «Рассвет» через черный ход. У себя в комнате она бросила сверток с платьем на кровать и торпливо разделась. В последние годы ей удавалось хорошо питаться, и она больше не походила на того заморыша из трущоб. Даже звали ее теперь по-другому.

За годы работы Уинифред многому научилась, но такими умениями не хвастаются в салонах или на приемах, их не демонстрируют гордым родителям и не рассказыва-

ют о них друзьям. Зато эти навыки высоко ценятся теми, кто знает, как ими пользоваться.

Уинифред умела бесшумно дышать, незаметно красться и вскрывать замки. Она была великолепной физиономисткой и по одному только выражению лица понимала, что у человека на уме. Ей по силам было в три счета выпутаться из любого узла и с такой же легкостью завязать свой. А еще она была способна читать по губам, запоминать малейшие детали о собеседнике и в точности воспроизводить недавний разговор вплоть до интонации собеседника. Вытравив из своей речи родной кокни, лондонский диалект низов, она приобрела другой — протяжный манерный говор высшего общества.

Слава о таинственной шпионке Уинифред Бейл распространилась по всему преступному Лондону. Она подозревала, что мистер Уоррен нарочно пускал о ней слухи, чтобы припугнуть конкурентов. Лишь немногие знали, кем она была на самом деле — семнадцатилетней сироткой родом из трущоб.

Хотя она не занималась проституцией, ей перепали от хозяина кое-какие роскошные вещицы. Сейчас, например, Уинифред нашла возле двери своей комнаты новую пудреницу, веер с экраном из шелка и десяток золотых, острых, как иглы, шпилек. Она снова подумала о том, что мистер Уоррен изрядно потратился для этого вечера, и у нее закололо шрам на предплечье.

До выхода оставалось три часа, и она решила заняться прической. Единственное ее зеркало недавно разбилось, и плести приходилось вслепую. Уинифред уложила волосы на затылке в пучок из кос и обрамила локонами лицо. Золотыми шпильками она прикрепила к прическе крошечные бутончики белых роз и цветы амариллиса, которые Боуди принес сегодня утром.

Несмотря на предостережение портнихи, она собралась надеть платье, припудрив лицо. В дверь постуча-

ли. Уинифред с раздражением опустила наряд на кровать.

— Войдите!

В комнату заглянула Марта, ее ближайшая соседка.

— Мистер Уоррен хочет тебя видеть, — без церемоний сообщила она и захлопнула дверь.

Между Уинифред и девочками «Рассвета» установились не самые теплые отношения. Они завидовали тому, что ей повезло с работой больше, а сама Уинифред не любила никого, кто бы не выказывал ей любезность.

Что еще могло понадобиться мистеру Уоррену? План был разложен по полочкам и досконально вызубрен. Уинифред научилась ходить, как леди, говорить, как леди, и падать в обморок, как леди. В хорошем платье ее нельзя было отличить от дочери герцога. А платье сейчас у нее было преотличное.

Снова натянув свой обычный креп, Уинифред поспешила вниз по лестнице.

На первом этаже «Рассвета» было теплее, чем в комнатах наверху. Горели тусклые газовые лампы, пол устилали дешевые, рыжие от дыма ковры. Но стоило подняться, и в ноздри ударял затхлый душок, какой имеет каждый старый деревянный дом в Сохо. Уинифред лишь надеялась, что новенькое платье им не провоняет.

Внизу на лестнице она столкнулась с двумя мужчинами. Мистер Хьюз следил за порядком в «Розе Востока», еще одном доме терпимости господина Уоррена, а мистер Парсон приглядывал за опиумными курильнями в квартале иммигрантов. Уинифред их ненавидела — оба были жалкими подбострастными лизоблюдами, способными лишь помыкать чужим имуществом. Она не удостоила мужчин приветствием, обогнула их, остановилась за углом и присела на корточки, чтобы потуже зашнуровать ботинок.

Вдруг один из мужчин выругался. Замерев, Уинифред прислушалась.

— Спесивая дрянь! Откуда в ней столько тщеславия?

Мистер Хьюз сплюнул, и она услышала шарканье подошвы по деревянной ступени.

— Как будто она чем-то лучше нас, — добавил мистер Парсон. — Конечно, собою она красавица, спорить не стану. Но ведь она простая посыльная, а держится среди нас, будто королева, черт подери.

— Держу пари, днем эта мерзавка разносит письма, а по вечерам подрабатывает в «Рассвете», — усмехнулся его собеседник, и оба захохотали.

Уинифред преспокойно затянула шнурок и поднялась, отряхивая платье от насевшей пыли. Слова мужчин ничуть ее не тронули — они смогли бы ранить ее достоинство, только если бы оно у нее имелось, а до ее самолюбия им было не дотянуться.

— Мистер Хьюз, — громко сказала она. — Советую вам отказаться от привычки плевать на ступени, иначе мне придется попросить мистера Парсона дочиста вылизать их за вами.

Мужчины замолчали и после краткой паузы поднялись на второй этаж, оставив Уинифред одну в коридоре.

Удовлетворенная, она постучала и, получив разрешение, вошла в кабинет мистера Уоррена. Он плотно занавешивал окна, выходившие на кирпичную кладку соседнего дома, и жег дешевые пахучие свечи из животного жира, так что в комнате всегда стояла густая неприятная полутьма. Уинифред сделала книксен и быстро выпрямилась, выжидающе глядя на хозяина.

Мистер Уоррен поднялся. В любом другом теле он показался бы грузным, но в своем он выглядел просто внушительным — плотно сложенный, высокий, с проседью в коротко стриженных волосах. Уинифред невольно затрепетала. Мистер Уоррен был хитер и опасен, как старый волк, которого рано списывать со счетов. Впрочем, никому и в голову не пришло бы этого делать.

— Здравствуй, Винни, милая.

Мужчина вышел из-за стола, присел на его край и по-манил Уинифред к себе. Борясь со знакомым рвотным позывом, она послушно подошла. Мистер Уоррен обхватил ее за талию и привлек ближе, почти вжав ее в себя. Уинифред окатило тяжелым мясным запахом застарелого пота и табака — мистер Уоррен никогда не пил, но много курил. Хрустнула бумага. Уинифред задержала дыхание и задержала взгляд в одной точке — так было легче терпеть отвратительную близость.

Она отчетливо видела жилку на его шее. Не было ничего проще, чем вытащить из волос шпильку и вонзить ее туда. От одной этой мысли, которую она не сумела сдерживать, ее прошиб холодный пот, поскольку Уинифред знала, что никогда не смогла бы этого сделать.

Она не произносила ни слова и ждала, пока мистер Уоррен заговорит первым. Тот опустил руку ей на бедро, очерченное складками юбки без каркаса, а затем змеиным движением поднял к декольте. Уинифред краем глаза следила за ним. Она не дышала, но не забывала делать характерные движения грудью, а то не дай бог ее хозяин подумает, будто над ним потешаются.

Мистер Уоррен взмахнул пальцами, и в его руке возник маленький конверт. Движение было стремительным, и Уинифред ничего бы не заметила, если бы ранее не услышала шорох бумаги. Теперь ее такими фокусами было уже не удивить, но она все равно округлила глаза, изобразив изумление.

Она позволила мистеру Уоррену вложить конверт в свою ладонь и беззвучно вдохнула через рот. Наконец, отлепившись от нее, мужчина встал, обошел стол, бухнулся в свое кресло и взял перо. Его напускная веселость исчезла.

— Отдай это письмо одному господину на балу. На нем будет фиолетовый галстук, ты сразу его заметишь. — Он что-то написал на листе бумаги, вновь обмакнул

перо в роговую чернильницу и устоялся на Уинифред в упор. — Пароль прежний.

Интересно, почему он не назвал ей имени этого господина? Не хотел, чтобы она им заинтересовалась?

Уинифред изогнула губы в улыбке, которая должна была показаться смущенной, взволнованной и вместе с тем испуганной. Собственное лицо она изучила даже лучше чужих; более того, она им *владела* — каждой черточкой, каждым мускулом.

— Как прикажете, сэр, — тихо произнесла она — верная, умелая, послушная. — Я вас не подведу.

Ответная улыбка мистера Уоррена была обманчиво теплой — в его глазах Уинифред увидела холод и сталь.

— Разумеется, Винни. И еще вот что...

* * *

К неудобствам, которые приходится ежедневно выносить великосветским леди, Уинифред приурочилась с поразительной легкостью, будто была для них рождена. Дышать быстро и мелко в тугом корсете оказалось совсем несложно — своим дыханием, как и лицом, она овладела в совершенстве. Кринолин, намного шире того, который она обыкновенно носила, лишил ее маневренного преимущества, зато красиво расправил юбки и сделал похожей на огромное голубое пирожное. На один вечер, пожалуй, сгодится, но как носить такое всю жизнь?

С помощью кучера Уинифред изящно забралась в арендованный экипаж, продемонстрировав на ступеньке носки шелковых бальных туфель с деревянными подметками. Внутри ее ожидала мисс Гэмпстон, в тот вечер игравшая роль ее матери. Уинифред села напротив нее, расправила кринолин и, стараясь выглядеть непринужденно, стукнула костяшками по крыше экипажа. Щелкнули поводья, и он тронулся.

Мисс Гэмпстон было лет сорок. Она состояла на той же службе, что и Уинифред, — шпионила, доносила, подслушивала, играла. Обычно, чуть только девочки мистера Уоррена утрачивали первый цвет своей юности, он выставлял их вон — они становились ему не нужны. Мисс Гэмпстон была единственной, кто задержался, только теперь она торговала не телом, а секретами. Уинифред хотелось знать, что такого она сказала мистеру Уоррену, что он позволил ей остаться.

— Добрый вечер, — наконец с легкой улыбкой поприветствовала ее женщина.

Уинифред, испытав облегчение от того, что ей не придется здороваться первой, сдержанно ответила:

— Добрый вечер, мисс Гэмпстон.

Та наклонила голову. Светло-каштановые волосы были зализаны в простой низкий пучок. Она густо напудрилась, но белая пыль только подчеркнула складки на лбу и неровности кожи — признаки стремительно уходящей молодости. Бедняжка совсем не знала, как правильно прятать свой возраст. Но сегодня ей молодиться не требовалось.

— Я надеюсь, нет необходимости напоминать вам, что сегодня мое настоящее имя не должно звучать ни при каких обстоятельствах?

Уинифред презрительно сощурилась. Высокомерие этой женщины, возомнившей о себе невесть что, начало ее раздражать. Почему она позволяет себе обращаться к Уинифред так, будто она какая-нибудь паршивая дилетантка?

— Разумеется, дорогая, будьте покойны.

Она позволила себе приторно-сладкую улыбку, коснувшуюся глаз. Не давая мисс Гэмпстон вставить и слово, она продолжила елейным тоном, который берут люди, раздраженные необходимостью разговаривать вежливо:

— Если вас это не затруднит, не пробежаться ли нам по основам? Мне бы не хотелось, чтобы на балу вы поставили себя в неловкое положение... *таман*¹.

Глаза женщины сверкнули, и Уинифред едва удержалась от торжествующей улыбки.

— Как вам будет угодно, — сухо ответила мисс Гэмпстон, стиснув веер так сильно, что Уинифред со злорадством вообразила, что он вот-вот разломится пополам. — Я — миссис Гертруда Оукс, вдова мистера Генри Оукса. Вы — его дочь Мэри-Энн. — Она говорила с неохотой, но не так сердито, как хотелось Уинифред. — В начале сезона вы были представлены ко двору. Если кто-нибудь спросит, почему раньше вас не видели, я отвечу, что болезнь на долгие недели приковала вас к постели. На балу нас представит мистер Финчи, он не знает деталей, но согласился оказать услугу господину Уоррену. Я должна помочь вам ускользнуть с бала, а затем так же незаметно вернуть на него. На этом все. Вы удовлетворены?

— Да-да, вполне.

Уинифред рассеянно улыбнулась, глядя куда-то мимо лица мисс Гэмпстон. Создалось впечатление, что она не слушала женщину вовсе. Ей захотелось съязвить насчет возраста своей спутницы, но она решила придержать колкость на тот случай, если мисс Гэмпстон не исчерпала запас своих.

— Позвольте задать вам вопрос?

Уинифред на секунду опустила ресницы и снова взглянула на собеседницу, на этот раз прямо.

— Разумеется.

— Вы еще не устали?

Помедлив с ответом, она приподняла брови, будто прекрасно уловила намек.

— Что вы имеете в виду?

¹ Маменька (*фр.*) — здесь и далее *прим. авт.*

— Всего лишь то, что спросила.

Мисс Гэмпстон отодвинула бархатную шторку; на ее лицо пролился свет уличных огней Челси. Она обернулась к Уинифред, и той показалось, что в глазах женщины мелькнула насмешка.

— У вас такой тугой корсет, милочка.

— Нет нужды беспокоиться, — с холодной улыбкой завила ее Уинифред и отвернулась, прикусив щеки.

Ей было невдомек, что старая кошелка имела в виду, и это приводило ее в бешенство. Одно было ясно наверняка: они обе принимали друг друга за совершенных идиотов.

Может, мисс Гэмпстон намекала на работу у мистера Уоррена? Нет, она бы не посмела. Тогда что же это? Неудачная шутка?

Попытавшись выбросить из головы глупое замечание, Уинифред поглядела в окошко, не боясь показаться чересчур восторженной — все-таки это и была ее роль на сегодня. Она наблюдала, как леди в роскошных туалетах и сопровождающие их джентльмены с бриллиантовыми булавками в галстуках поднимаются по мраморным ступеням особняка виконта Уилкиса. Любому наблюдателю даже издали стало бы ясно, что этой ночью здесь дают бал: высокие колонны были увиты плющом и розетками, рядом с белокаменными львами расставлены вазоны с цветами, из высоких окон лились свет, разговоры и звуки настраиваемого оркестра. Экипажи выстроились в длинную цепочку, тянущуюся аж с соседней улицы. Лошади нетерпеливо мотали головами и били копытами; возницы, скучая, покрикивали на них. Был уже поздний вечер, вот-вот должны были начаться танцы, а гости все продолжали прибывать.

Когда их экипаж наконец остановился перед входом, Уинифред быстро ошупала цветы в прическе, кивнула мисс Гэмпстон, и они выбрались на улицу. За все время ожидания они не обменялись ни словом.

Ледяной воздух опалил обнаженные руки и плечи, по ним побежали мурашки. Уинифред мельком глянула на мисс Гэмпстон, расправляющую свои черные шелковые юбки — ей как «вдове» полагалось носить траур. В ее маленькой костлявой фигурке сейчас было так мало благородного и прекрасного духа, присущего высшему свету, что Уинифред тихонько фыркнула и отвернулась.

— Предоставьте говорить мне, — посоветовала она и, расправив плечи, зашагала ко входу в особняк.

Внутри дом оказался еще прекраснее, чем снаружи. Войдя, Уинифред на секунду зажмурилась, чтобы не ослепнуть. После темного, небогато обставленного, пахнувшего табаком и индийской сладостью «Рассвета» убранство казалось ей по-королевски роскошным. Белый мрамор полов и ступеней в холле был отполирован до блеска, который не сумели скрыть даже сотни отпечатков ног. Проемы без дверей, такие широкие, что Уинифред пришлось бы развести руки в стороны, чтобы коснуться обеих сторон, были обшиты темным лакированным деревом. С изящно вылепленных белых потолков свисали тяжелые люстры из хрусталя и серебра. Обстановка кричала о богатстве и безукоризненном вкусе владельцев. Грудь Уинифред защемило от почти болезненного чувства зависти, и она опустила голову, не закончив рассматривать причудливую люстру и потолок с фресками. Она и без восхитительного убранства дома Уилкисов знала, что давать частные балы могут позволить себе очень немногие, и раздосадовалась на себя за падкость на блеск и помпезность.

Когда дворецкий объявил их имена — так громко, что почти заглушил звуки оркестра, — Уинифред приготовилась принять разом множество внимательных взглядов и даже нарочно приняла взволнованное и робкое выражение лица, которое ей очень шло. Но никто и головы не повернул. Бальный зал был таким огромным, что без тру-

да вместил по меньшей мере три сотни гостей. На Уинифред уставились несколько человек, но и те вскоре отвели взгляд, отчего она почувствовала себя уязвленной.

Но к ним тут же порхнула хозяйка бала, леди Уилкис — полная приземистая женщина в летах, лично приветствовавшая каждого из гостей. Ее платье модного оттенка красного вина переливалось при каждом движении, а в ушах, на пальцах и на дряблой груди сверкали бриллианты и рубины. Уинифред и мисс Гэмпстон присели перед ней в книксенах.

— Добрый вечер, ваша милость, — произнесла мисс Гэмпстон, поднявшись.

Она вдруг преобразилась на глазах — в осанке появилось что-то неуловимо величественное, острый подбородок приподнялся, складки на напудренном лбу разгладились. Из падшей женщины, растерявшей с годами всю свою привлекательность, она превратилась в обыкновенную провинциальную дворянку вполне приятной наружности, подыскивающую для своей дочки приличную партию. Столь разительная и мгновенная перемена позабавила Уинифред.

— Добрый вечер, ваша милость, — пискнула она, вторя спутнице.

Леди Уилкис улыбнулась обеим, но ее взгляд стал рассеянным. Она не узнала их, но никак не могла этого показать. Ничто так хорошо не удается высшему свету, как делать хорошую мину при плохой игре.

— Очень рада, что вы смогли прийти, — смущенно произнесла она, пожимая им руки с улыбкой столь сердечной, что никому и в голову бы не пришло, что она видит их обеих впервые в жизни. Своим радушием леди Уилкис с лихвой возместила более чем равнодушный прием гостей. — Очень, очень рада.

Не задерживая хозяйку, Уинифред и мисс Гэмпстон снова поклонились и прошли в зал — распорядитель уже

объявлял следующих гостей. Они заняли удобное местечко у стены, откуда можно было великолепно обозревать все помещение. Ряд высоких столов украшали вазы с цветами и огромные подкрашенные розовым цветом глыбы льда с прожилками, напоминающими росчерки молнии. Уинифред случайно задела каркасом платья ножку стола, и лед на подставке угрожающе покачнулся.

Вот-вот должны были начаться танцы, а их так никому и не представили. Но Уинифред заметила, что на нее с интересом поглядывает молодой человек в красиво сшитом темно-синем сюртуке — и наверняка не он один. Подобные взгляды были для нее не в новинку.

Теребя кольцо веера, она вполголоса, почти не шевеля губами, спросила мисс Гэмпстон:

— Где Финчи?

— Пока не вижу его.

В воздухе витали запахи канифоли, свечного воска, человеческого пота и совсем чуть-чуть — свежих цветов. Гости Уилкисов беседовали и приветствовали знакомцев, всюду звенел смех, то и дело слышались обрывки разговоров про предстоящий званый ужин у леди Освальд, скачки, новую постановку в Королевском театре на Хеймаркете и о том, куда следует отправиться осенью — ведь, как всякому известно, оставаться в Лондоне после окончания сезона нет положительно никакого смысла.

Уинифред разглядывала толпу, то высматривая мужчину с фиолетовым галстуком, то гадая, может ли тот или иной джентльмен оказаться мистером Финчи. К столу неподалеку подошли двое мужчин, увлеченных разговором, — о чем именно они говорили, Уинифред не слышала. Одному из них, смуглому и угловатому, навскидку было лет тридцать пять; его собеседнику — высокому, невозмутимому — она бы дала около сорока. Сначала Уинифред безразлично скользнула по ним взглядом, но что-то насторожило ее в облике второго джентльмена. Сделав

вид, что рассматривает уложенный кругами блестящий паркет, она склонила голову и присмотрелась.

Его воротник подвязывал фиолетовый галстук.

Сердце Уинифред екнуло. Вот он — адресат мрачного предупреждения мистера Уоррена!

Джентльмен наливал в резной хрустальный бокал воду, но вдруг его собеседник сказал нечто такое, отчего он рассмеялся и чуть не выпустил из рук графин. Улыбаясь и с напускной укоризной покачивая головой, он протянул другу запотевший бокал.

Черт бы побрал этого Финчи!

— Где же он? — сердито воскликнула Уинифред.

— Мужчина у зеркала. В темно-зеленом сюртуке.

Уинифред присмотрелась. Зеркальная стена находилась в самой глубине зала, но ей удалось разглядеть обладателя зеленого сюртука — плюгавого лысого человечка лет пятидесяти. Он был вовлечен в жаркий спор с двумя другими джентльменами и явно порывался уйти, но то и дело кто-нибудь из собеседников обращался к нему, и он оставался. Что-то говоря, Финчи повернул голову, встретился с Уинифред взглядом и осекся. Его лицо приобрело цвет спелого томата.

Она отвернулась, а через пару минут он возник рядом с ней. Вблизи Финчи оказался еще ниже... и еще лысее. Он запыхался от быстрой ходьбы, на висках выступила испарина.

— Добрый вечер, мисс Оукс, — учтиво поздоровался он, поклонившись. Мисс Гэмпстон он лишь коротко кивнул в знак приветствия. Вынув платок, Финчи быстрым жестом промокнул пот на лице. — Прошу прощения за задержку. Идемте, я представлю вас лорду Уилкису.

— Нет необходимости, сэр. — Уинифред бросила нетерпеливый взгляд на беседующих у стола мужчин. — Лучше представьте меня вон тем джентльменам.

Финчи покосился в указанном ею направлении.

— Я их не знаю, мисс Оукс, — сказал он. — Позвольте лучше представить вас виконту.

Старый бесполезный олух. Можно было бы обойтись и без Финчи, раз он не знаком с единственным интересным ей человеком в этом зале.

— Что ж, ведите, — обронила Уинифред и поджала губы.

Их представили лорду Уилкису — тучному невысокому мужчине с усами пшеничного цвета, просто и со вкусом одетому. Он чем-то неуловимо походил на свою жену. Под тканью мокрой от пота перчатки угадывался широкий ободок обручального кольца. Его милость обслонявил Уинифред руку, но зато очень мило улыбнулся. Его глаза расплылись в складках порозовевшей кожи и стали похожи на щелочки.

— Мисс Оукс, как вы находите Лондон? — поинтересовался лорд Уилкис, когда Финчи извинился и спешно откланялся, бросив на Уинифред испуганный взгляд.

— Он великолепен, сэр, — скромно восхитилась она, с усилием сосредотачивая взгляд на добродушном лице лорда Уилкиса.

Уинифред хотелось знать, ушел ли джентльмен с фиолетовым галстуком от стола? Придется ли ей теперь рыскать по всему залу в его поисках?

— Правду говорят: тот, кто не видел Лондона, не может зваться истинным англичанином!

Крякнув от удовольствия, виконт погладил ус — как и любой житель столицы, похвалу городу он всегда принимал на свой счет.

— Да-да, совершенно точно... Отлично сказано... — Он помолчал, явно подыскивая тему для беседы. — Вы, случаем, не из кентерберийских Оуксов?

— Из глостерширских, сэр, — ответила ему мисс Гэмпстон. — Мой покойный муж состоял в родстве с графом Беркли.

Виконт перевел взгляд с Уинифред на мисс Гэмпстон. Лицо его приобрело несколько кислое выражение, точно он удивился, как у *такой* матери вышла *такая* красавица-дочка.

— Да, разумеется... — Он вдруг распахнул светло-голубые глаза — такие яркие, какие бывают только у стариков. — Беркли! А вы, случаем, не знаете, как нынче самочувствие леди Беркли?

Улыбка мисс Гэмпстон стала натянутой.

— Насколько мне известно, она чувствует себя гораздо лучше, чем в прошлом году, сэр.

— Неужели? — вскричал лорд Уилкис. — И это в девяносто с лишним лет! Как замечательно, миссис Оукс!

Воспользовавшись тем, что мисс Гэмпстон заняла хозяина бала беседой, Уинифред бросила взгляд на двух джентльменов. Они все еще беседовали у стола и, на ее счастье, явно не собирались покидать свое место. Угловатый молодой человек пылко жестикулировал, чем вызывал снисходительную улыбку своего собеседника. Тот глотнул воды из бокала и слегка ослабил галстук.

Уинифред обернулась к лорду Уилкису с обворожительной улыбкой. С ее губ уже была готова сорваться просьба представить ее тем двум гостям, но он ее опередил:

— Миссис Оукс, мисс Оукс! Позвольте представить вам моего доброго друга — юного Теодора Дарлинга! Мистер Дарлинг, это миссис Гертруда Оукс и мисс Мэри-Энн Оукс, наше новейшее открытие! Совершенно очаровательное создание, вы не находите?

Уинифред подняла глаза на гостя лорда Уилкиса. Молодой человек был высок и хорош собой, одет дорого, но аляповато — в сочетании с ярко-голубым жилетом и синим сюртуком его галстук *фиолетового цвета* выглядел образчиком дурного вкуса.

Мистер Дарлинг поклонился и взволнованно улыбнулся Уинифред.

— В самом деле, мисс Оукс, вы сущий ангел. Надеюсь, вы подарите мне счастье любоваться вами в первом вальсе?

ГЛАВА 2

ПОСЛАНИЯ И ПАРОЛИ

— С удовольствием, сэр! — пролепетала Уинифред и сделала книксен, протягивая мистеру Дарлингу руку.

С ее запястья свисала бальная книжка на шнурке. Юноша подхватил ее и раскрыл, удерживая большим пальцем страничку. Она улыбалась, но настороженно следила за тем, как он вписывает свое имя на первую строку.

Наконец он выпустил книжку, позволив ей качнуться на изящно изогнутом запястье Уинифред. Свернутые треугольниками записки, вклеенные в обложку, держались крепко, и мистер Дарлинг их не заметил.

И что его, франта несчастного, дернуло нацепить фиолетовый галстук? Не может же быть, что это ему адресовано послание господина Уоррена? На вид он глуповат. И чересчур молод — ему было не больше двадцати лет. Уинифред почувствовала, что начинает сомневаться, и от злости впилась ногтем большого пальца в указательный, чтобы болью прояснить голову.

Мистер Дарлинг не отрывал от нее взгляд, и Уинифред тоже присмотрелась к нему повнимательнее. На длинном узком лице с высокими скулами и впалыми щеками выделялись черные, густые, как смола, глаза. Изогнутые брови и робкий прямой рот придавали ему несколько жалобное выражение, будто он вечно чему-то удивлялся.

Несмотря на жирно блестящие от бриллиантина волосы и нелепый наряд, Уинифред была вынуждена при-

знать, что мистер Дарлинг очень и очень красив. Что-то было искреннее и притягательное в его облике, отчего хотелось заглянуть ему в лицо, поймать на себе взгляд его невидимых в темноте радужки зрачков. Эта магнетическая сила образа мистера Дарлинга, захватившая ее на мгновение, привела Уинифред в ярость. Вонзив ноготь глубже в палец, она притворилась смущенной и отвела взгляд.

Заметив, что юноша взирает на Уинифред с нескрываемым восторгом, лорд Уилкис добродушно рассмеялся, и она, стараясь не выказывать раздражение, расправила плечи. Обычно столь явное восхищение льстило ей, но только не сегодня — не хватало еще, чтобы этот дурачок волочился за ней весь вечер.

— Мистер Дарлинг, ваши друзья не почтут нас присутствием? Они ведь получили наши приглашения? — спросил его лорд Уилкис.

Мистер Дарлинг с усилием оторвал от нее взгляд и смущенно улыбнулся виконту. Улыбка у него была совершенно мальчишеская.

— К сожалению, не сегодня, сэр. Мистер Акли просил передать свои извинения.

С деланным неудовольствием лорд Уилкис покачал головой.

— Прискорбно, прискорбно... А что насчет мисс Саттон?

Он хитро прищурился и посмотрел на Уинифред, мол, сами видите — мистер Дарлинг среди лондонской молодежи нарасхват! Она сделала вид, что не заметила, а юноша заметно смутился и даже покраснел — на его бледной коже отчетливо проступил румянец.

— Я... я не знаю, сэр, — выдавил он. — Вероятно, она занята подготовкой к собственному приему.

— Да, возможно, возможно... — Лорд Уилкис заложил руки за спину и бросил сначала взгляд на оркестр, наконец-то закончивший свои приготовления, а потом заговорщически поглядел на мистера Дарлинга. — Кажется,

скоро начнется вальс! Прошу прощения, мне нужно найти мою супругу. Леди... Мистер Дарлинг...

Они распрощались кивками и книксенами, и молодой джентльмен повернулся к Уинифред:

— Разрешите?

Бросив взгляд на мисс Гэмпстон, она приняла его руку и позволила вывести себя на середину танцевальной залы, где уже встали другие пары. Взмолнованно улыбаясь, мистер Дарлинг встал напротив Уинифред. Она тоже улыбнулась ему, а потом, изображая смущение, опустила ресницы.

Как бы не перестараться с флиртом, а то к концу вечера он сделает ей предложение!

Когда заиграли первые такты вальса, мистер Дарлинг шагнул ближе и несмело положил ей руку на талию. Они придвинулись друг к другу, и Уинифред в нос ударил острый сладкий запах гардении — судя по всему, юноша вылил на себя не меньше половины флакона духов. Ей до смерти захотелось чихнуть. Чтобы сдержать позыв, она прикусила язык и задержала дыхание. Она едва успела положить руку, в которой сжимала бальную книжку, на плечо мистера Дарлинга, и танец начался.

Движения ее кавалера были отточены и изящны; казалось, он даже не задумывается над тем, куда какую ногу поставить и как не столкнуться с другой парой. Уинифред пришлось хорошенько сосредоточиться, чтобы не сбиться или не отдалить мистеру Дарлингу ногу. Считая такты, она ждала, когда он заговорит, вдыхая оглушительно резкий аромат его одеколona.

— Как вы находите бал, мисс Оукс? — наконец спросил он.

Уинифред уже начала раздражать эта его глупая смущенная улыбка. Из-за путаницы с галстуками каждая мелочь злила ее сильнее обычного. Она на мгновение задержала дыхание, чтобы нагнать румянца на лицо.

— Он просто превосходен, мистер Дарлинг, благодарю.

— Я счастлив... — Он сбился и опустил голову. — Я счастлив, что был удостоен чести первым танцевать сегодня с вами, мисс Оукс.

Бог мой, да он почти влюблен в нее! Больше польщенная, нежели раздосадованная, Уинифред подавила улыбку и, чтобы не встретить ненароком взгляд юноши, принялась рассматривать белую розочку в его петлице.

— Вы очень добры, мистер Дарлинг, — ответила она с легким придыханием в голосе.

Теперь ей хотелось потакать восхищению молодого человека, пускай он и был всего лишь получателем некоего послания. Если вообще им был.

Она поудобнее перехватила его плечо во время очередной фигуры и небрежно добавила:

— Признаюсь, я не ожидала, что бал так быстро меня изнурит. «Ночь скучная, меня ты утомила! Ночь длинная, убавь свои часы!»

— «О, заблести скорее на востоке, отрадный день»¹, — с легким недоумением продолжил мистер Дарлинг.

Его пальцы крепче сжали ее талию, и она чуть не рассмеялась. Боже, какой образованный мальчик — без заминки отгарабанил ей Шекспира! Ну, просто прелесть! Уинифред ненавидела ошибаться и особенно рада была сейчас тому, что не обманулась насчет мистера Дарлинга.

Пальцами руки, лежащей на плече кавалера, она выудила из бальной книжки крошечный конверт из кремовой бумаги. Когда танец закончился, Уинифред будто нечаянно провела ладонью по его груди, опустив послание в вырез сюртука.

— Прочтите, когда останетесь в одиночестве, — выразительно прошептала она.

¹ Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (пер. Н. Сатина).

Мистер Дарлинг не скрывал радостной улыбки. Снова предложив Уинифред руку, юноша проводил ее обратно к мисс Гэмпстон, поклонился и на прощание легко прикоснулся губами к затынку в перчатку пальцам. В его движениях и выражении лица появилась почти детская нетерпеливость.

— Благодарю вас за танец, мисс Оукс, — поблагодарил он и скрылся в толпе.

Уинифред приосанилась и проводила его насмешливым взглядом.

Возле столов после танца собралось много людей, но господин в фиолетовом галстуке и его собеседник по-прежнему держались обособленно. Их позы, обращенные друг к другу, подчеркнуто препятствовали началу какого-либо разговора с посторонними.

Раздосадованная, Уинифред отвернулась от них — как раз вовремя, чтобы увидеть, как виконт, наклонившись к своей жене, что-то ей говорит. Леди Уилкис поискала глазами по зале и безошибочно остановила свой взгляд на Уинифред. Мисс Гэмпстон тоже заметила это и шепнула:

— Лорд Уилкис просит жену заняться вами. Думаю, вы ему приглянулись.

— И без вас вижу, — чопорно отозвалась Уинифред, тайно млея от удовольствия.

И в самом деле — вскоре леди Уилкис подошла к ним, будто невзначай назвала обеих по имени и предложила представить их группе джентльменов у столика. Казалось, что симпатия лорда Уилкиса передалась и ей — теперь женщина смотрела на Уинифред почти с материнской лаской.

Ее представили в том числе и двум интересовавшим ее джентльменам. Угловатого звали мистер Уоттс, а высокого, с галстуком — мистер Дейли. Ни один из них не обратил на Уинифред ни малейшего внимания. Холодно представившись, они продолжили свой разговор, даже не подумав пригласить ее на танец или поддержать светскую беседу.

С другими джентльменами Уинифред станцевала сначала кадрили, затем менуэт. Каждый раз, возвращаясь к столу после танца, она ловила на себе удивленный взгляд мисс Гэмпстон, и понемногу ее охватывало отчаяние. Рассчитывать на вежливость мистера Дейли явно не приходилось.

Когда после менуэта ее пригласили на польку, она жалобно протянула:

— Ах, мне, наверное, придется пропустить следующий танец, сэр! Что-то мне дурно... Здесь так душно!

Кто-то тотчас же притащил стул, и Уинифред усадили рядом с глыбой льда, недалеко от мистера Уоттса и мистера Дейли. Мисс Гэмпстон, изображая заботливую мать, даже подала ей воды.

Джентльмены разбрелись кто куда. Рядом с ней, заложив руки за спину, топтался только один молодой человек, с красным носом и блестящими голубыми глазами. Он явно намеревался караулить Уинифред до того момента, пока она в достаточной мере не придет в чувство для того, чтобы принять приглашение на танец. Но ее такая преданность нисколько не тронула.

— Ах, тапан, будет полька! — В порыве чувств «Мэри-Энн» сжала костлявую руку «матери», и та опешила. — Как жаль, что вы не танцуете! Вы ведь так любите польку!

— Это правда, дорогая, — мрачно согласилась мисс Гэмпстон.

Она догадалась, на что намекала Уинифред, и явно была не в восторге. Как и ее поклонник. Юноша вздохнул, самоотверженно принимая свой долг.

— Могу я доставить вам удовольствие, пригласив вас на польку, миссис Оукс? — предложил он, с тоской поглядывая на Уинифред.

Мисс Гэмпстон вяло согласилась, и они ушли. У стола осталась одна Уинифред, а в паре шагов от нее — мистер Уоттс и мистер Дейли. Обмахиваясь веером, она прислушалась к их разговору.

— Вздор! — с жаром заметил мистер Уоттс — более молодой джентльмен. — Тебя послушать — так никто ничего не смыслит в политике!

— Неправда, — насмешливо возразил ему мистер Дейли. — Я смыслю.

Его собеседник рассмеялся — коротко и резко, но совершенно искренне.

— Будет тебе, Том! Ты рассуждаешь так, будто судьба Ост-Индии уже решена!

Теперь Уинифред чуть не обмирала от нетерпеливого интереса. Совпадение ли, что тема разговора затронула второе задание, данное ей мистером Уорреном?

Мистер Дейли помолчал, а потом сухо произнес:

— О судьбе Ост-Индии ты можешь судить не хуже меня. Кому не очевидно, что птица не желает жить в клетке, а человек — на цепи? Вполне резонно, что Индия хочет независимости. И рано или поздно она ее получит.

— Рано или поздно! — подхватил Уоттс. — В том-то и загвоздка! Это письмо...

— Чарли, это письмо — выдумка для тех, кто не знает, продавать им свои бумажки или спешно скупать новые. Хватит об этом.

Мистер Дейли покосился на Уинифред. Мистер Уоттс взглянул на нее, будто впервые ее заметил, и презрительно вздернул губу. Его несимпатичное лицо от кислого выражения стало совсем некрасивым.

— Сомневаюсь, что мисс Оукс заинтересована в политике, Том, — с нарочитой отчетливостью произнес он, язвительно улыбнувшись Уинифред, отчего она закипела. — Но, разумеется, я могу ошибаться. Скажите, мисс Оукс, каково ваше мнение относительно колониальной политики Британии?

— *Чарли!* — укоризненно одернул его мистер Дейли, но тот только отмахнулся.

Уинифред задумчиво свела к переносице светлые брови и опустила бокал на стол.

— По правде говоря, я совершенно ничего в этом не смыслю, сэр. — Она глупо хихикнула и потупилась. — Разве что могу сказать про нашу королеву Викторию. Знаете, когда меня представляли ко двору, она была в таком замечательном бархатном зеленом платье, ну просто прелестном!

Мистер Дейли помрачнел, не сводя с нее пронизательного взгляда. Уоттс расхохотался, и Уинифред, продолжая прикидываться дурочкой, тоже засмеялась. Про королеву ей было известно не слишком многое. Только то, что по ее примеру все британские девушки взяли за моду венчаться в белом, ее супруга Альберта вот-вот титулуют принцем-консортом, а новорожденная принцесса Беатрис — просто ангел. Уинифред уже приготовилась было вывалить на Уоттса ворох своих беспорядочных знаний, но тот ехидно заключил:

— Не будьте так уж строги к себе, мисс Оукс! Ваши познания в политике и впрямь достойны всяческих похвал.

Уинифред просияла. Уоттс, удовлетворив собственное самолюбие, отвернулся, вновь позабыв о ее существовании. Мистер Дейли помедлил, но тоже отвел взгляд.

Демонстрируя отсутствие всяческого интереса к их разговору, она принялась тихонько напевать танцевальную мелодию себе под нос.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что письмо — выдумка? — все-таки понизив голос, продолжил Уоттс. — Я уверен, что оно действительно существует. Более того — я слышал, что его получил виконт.

— Лорд Уилкис? — насмешливо уточнил мистер Дейли.

— Да, он. Я верю, что в его руках — будущее страны.

Сердце Уинифред заколотилось так сильно, что она почувствовала, как теплеют от возбуждения щеки. Уоттс, сам того не ведая, сообщил все, что ей нужно было услы-

шать. Она хотела расцеловать этого напыщенного дурака в обе щеки, хотя этот жест не принес бы ему ни малейшего удовлетворения.

Для Уинифред все сложилось великолепно. Нужное мистеру Уоррену письмо действительно существовало и, более того, находилось в распоряжении лорда Уилкиса. Вместе с личной печатью виконта она сможет выкрасть его. А значит...

Возможно, господин Уоррен согласится пересмотреть условия ее контракта.

— Не преувеличивай, — мягко осадил друга мистер Дейли.

Уинифред заставляла себя глазеть на танцующие пары, изображая живое восхищение. Полька заканчивалась.

— Будущее страны не зависит от того, набьют ли себе карманы золотом дельцы из Сити. Никому доподлинно не известно, о чем говорится в этом письме. Одни будут трубить, что Ост-Индия наконец-то идет ко дну, как ей и предсказывали после битвы при Плесси, а другие во весь голос заявят, что наступает золотое время для компании.

— И что же делать?

— Нам? Ничего.

Уинифред боковым зрением заметила, что мистер Дейли оглядел бальный зал. Танец закончился, и кавалеры провожали дам на свои места.

— Оставь слухи в покое, Чарли. Если ты веришь, что письмо существует, верь и тому, что виконт распорядится им лучше любого из нас.

Придержав что-то в кармане жилета, мистер Дейли вынул часы, и Уоттс поджал губы.

— Том, — с мягкой укоризной произнес он. — С ней все в порядке.

Мистер Дейли щелкнул золотой крышкой и вернул часы на место.

— Ты этого не знаешь, — процедил он.

Они замолчали. По их встревоженным лицам Уинифред видела, что каждый думает о своем. Краткая пауза в их беседе дала ей возможность вклиниться в разговор.

— Чудесный вечер, не правда ли, мистер Дейли?

Джентльмен вскинул голову и несколько секунд равнодушно смотрел на Уинифред, будто пытаясь понять, к кому она обращается. Уоттс тоже поглядел на нее с удивлением, которое быстро сменилось раздражением. Он закатил глаза и принялся играть льдинкой на дне своего бокала.

— Совершенно с вами согласен, мисс Оукс, — наконец вымолвил мистер Дейли, сумев даже изобразить подобие улыбки.

— Ах, неужели следующим опять будет вальс?

— Полагаю, что именно так, мисс Оукс.

Уинифред кокетливо взмахнула ресницами, и Уоттс побелел от злости.

— Обожаю этот танец!

Мистер Дейли галантно поклонился:

— Как и я, мисс Оукс. Позвольте пригласить вас?

Она позволила, сделав вид, что не заметила Уоттса, глядящего на нее, словно на драную уличную кошку. Юноша с красным носом, желавший танцевать с ней, грустно наблюдал, как мистер Дейли заносит в ее книжку свое имя. Потоптавшись на месте и отчего-то бросив исполненный неприязни взгляд на мисс Гэмпстон, он ушел.

Что такого мог прятать мистер Дейли в своем кармане? Тайную записку? Остужая зуд в пальцах, Уинифред прикоснулась к ледяному бокалу.

Подождав, пока позади нее к столу начнет протискиваться какой-то джентльмен, Уинифред ахнула, взметнула руки и налетела на мистера Дейли. Тот покачнулся, но не отпрянул. Он успел схватить ее за талию, а она его — за лацканы. Пока безвинный джентльмен рассыпался в извинениях, а мистер Дейли помогал обрести равновесие, Уинифред оттянула правый лацкан. Заглядывая рас-

пахнутыми глазами ему в лицо, она естественным жестом сунула два пальца левой руки в его нагрудный карман и спрятала в ладони нечто твердое и маленькое, со скругленными краями. Должно быть, портрет.

— Благодарю вас... извините, — пролепетала Уинифред, прикладывая руку к груди и опуская плоский предмет в вырез платья.

Лицо ее покраснелось от волнения, губы стыдливо дрожали. Она отлично помнила, чему ее учил господин Уоррен: «Всегда держи в уме, что за тобой кто-то наблюдает. Даже если это не так».

— Что вы! Это я должен просить у вас прощения! — с жаром возразил джентльмен. Похоже, он сам уже поверил, что толкнул Уинифред.

— Вы в порядке, мисс Оукс? — сдержанно поинтересовался мистер Дейли, одергивая сюртук.

Когда Уинифред уронила робкое «да», Уоттс сверкнул глазами на незнакомца и угрюмо заметил:

— Будьте аккуратнее, сэр.

В ожидании вальса Уинифред смущенно щебетала с окружившими ее джентльменами о всякой ерунде, а в ответ на просьбы о танце отвечала, что уже ангажирована, — с такой робкой и виноватой улыбкой, что никто не сомневался, что ей действительно очень жаль. Когда наконец пары начали собираться, мистер Дейли предложил ей руку с таким безразличным видом, что это почти задело Уинифред. Можно подумать, она стала бы с ним танцевать, не касаясь дела поручения мистера Уоррена!

Ее нынешний кавалер танцевал почти так же хорошо, как мистер Дарлинг, но с гораздо меньшей грацией. Его уверенные, четкие движения производились скорее механически. Впрочем, он ни разу не дал им столкнуться с другой парой и один раз даже ловко увел Уинифред в сторону, когда ее едва не сбил какой-то изрядно подвыпивший джентльмен. Но этим его обходительность ис-

черпывалась. Он не желал заводить с ней светскую беседу, и Уинифред снова пришлось взять все в свои руки.

— Ах, разве здесь не жарко, сэр? По-моему, просто умопомрачительно жарко!

В зале и правда было на редкость душно. Несмотря на распахнутые окна и подтаявшие глыбы льда на столиках, Уинифред почувствовала, как по спине меж лопаток у нее стекает струйка пота.

Мистер Дейли был невозмутим, как скала.

— Пожалуй, что так, — согласился он.

По его внешнему виду нельзя было заключить, что ему хватило совести взмокнуть или хотя бы испытать какие-либо неудобства.

— Признаться, эдакая жара просто изнурительна, — доверительно сообщила она своему кавалеру, придвинувшись чуть ближе. — «Ночь скучная, меня ты утомила! Ночь длинная, убавь свои часы!»

В глазах мистера Дейли промелькнуло искреннее удивление.

— Ведь рассветные птицы краше стократно других, — закончил он.

Уинифред верно выгадала момент — танец закончился, и все зааплодировали. Она сделала быстрый книксен, а когда выпрямилась, конверт уже перекочевал в карман мистера Дейли. Он хотел что-то сказать, но колебался. Выражение лица было мрачным.

— Благодарю вас за танец, мисс Оукс, — наконец сдержанно поблагодарил он и предложил руку.

В его обхождении, и прежде довольно сносном, теперь появилась вялая, неохотная учтивость, продиктованная, как догадывалась Уинифред, некоторой опаской.

Проводив ее, мистер Дейли склонился к хмурому Уоттсу и что-то ему прошептал. Тот молча вскинул голову. Не посмотрев на Уинифред, оба покинули зал, и мисс Гэмпстон настороженно проводила их взглядом.

— Теперь, надеюсь, вы закончили? — с ноткой неудовольствия спросила она.

— Не ваше дело, — отрезала Уинифред. — Ждите.

Лавируя меж гостей, она направилась на другую половину зала, к леди Уилкис. Несмотря на взмокший лоб и красные пятна на шее и лице, виконтесса сияла довольной улыбкой. Уинифред позволила ей себя заметить. Замерла на месте, в притворной растерянности оглядываясь по сторонам, и встретилась с леди Уилкис взглядом. Та прервала беседу с немолодой женщиной в дорогом до безвкусицы платье и приветливо протянула к Уинифред руки.

— Мисс Оукс! — Виконтесса мягко пожала ее ладони и, смутившись, почти сразу же их выпустила. — Надеюсь, наш бал пришелся вам по душе, дорогая?

— О, он просто превосходен, миледи! Благодарю вас за оказанную честь! — Она наклонилась к женщине и чуть тише поинтересовалась: — Пожалуйста, подскажите, куда я могу отлучиться припудрить носик?

Леди Уилкис зарделась гордым румянцем.

— Ах, благодарю вас! Впрочем, моей заслуги тут вовсе нет — это все наш бальный распорядитель, настоящий мастер своего дела! — Она понизила голос: — Комната для дам на втором этаже, первая слева от лестницы, дорогая.

Уинифред поблагодарила виконтессу и, протиснувшись через толпу, пошла прочь из бального зала. Оставалось надеяться, что наверху она не наткнется на чересчур деятельную прислугу.

В фойе первого этажа было пусто, и Уинифред остановилась, чтобы наконец рассмотреть украденный у мистера Дейли предмет. Им оказалась овальная миниатюра на пластине из слоновой кости. На портрете была изображена юная девушка, почти девочка, с изящным округлым лицом, которое обрамляли прямые каштановые волосы. Художник явно пытался скрыть ее страх, но тот все равно отпечатался в каждой ее акварельной черте: вымученная улыбка с опу-

щенными уголками губ, напряженные брови. Интереснее всего были глаза: огромные, блестящие, затравленные и дикие одновременно. Чем-то незнакомка походила на мистера Дейли — не отдельными чертами, а общей гармоничностью лица, — и, пожалуй, могла быть его сестрой. Не ее ли имел в виду Уоттс, говоря «с ней все в порядке»?

Оглядевшись по сторонам, Уинифред вышвырнула миниатюру у входа в бальный зал и поспешила наверх. На втором этаже газовые рожки на стенах были притушены, а доносившаяся из зала музыка скрадывала звуки шагов. В конце коридора она заметила дверь с царапинами на замочной скважине — ее часто запирали. Скорее всего, это и был кабинет лорда Уилкиса.

Уинифред вынула из прически одну из шпилек и нажала на ручку, но та неожиданно с легкостью поддалась — дверь была не заперта. Испугавшись, что виконт может оказаться внутри, она низким измененным голосом позвала:

— Милорд?

Никто не ответил, и она заглянула внутрь. Пусто. Видимо, лорд Уилкис зря понадеялся на бдительную прислугу и порядочность гостей. А может, сам недавно был здесь. Испытав облегчение от того, что не наткнулась на хозяина, Уинифред юркнула в комнату — так быстро, насколько ей позволяло платье на кринолине. Она бесшумно закрыла дверь и обернулась.

И точно — это был кабинет. Уинифред не стала зажигать свет, чтобы не выдать себя, так что комнату освещали только луна и уличные фонари. На письменном столе стояла фарфоровая китайская ваза со свежими белыми гибискусами. Вдоль оклеенных шелковыми обоями стен были расставлены массивные шкафы темного дерева, а напротив стола глухо шелкали старые напольные часы. Справа от входа была еще одна дверь — скорее всего, она вела в личную уборную. Уинифред провела пальцем по спинке кресла, обитого золотистой тканью. Чисто. Похоже, прислуга бывает здесь часто.

Времени у нее было в обрез — раз дверь оставили открытой, кто-нибудь мог войти в любую минуту. Сразу решив обыскать письменный стол, Уинифред нашла на нем печать виконта с головкой из лакированного дерева и сунула ее в вырез платья. Грязное, вымазанное в сургуче основание печати больно впилося ей в стянутую корсетом грудь.

В поисках письма об Ост-Индии Уинифред без особой надежды перебрала послания в лотке с корреспонденцией. Нужного там не оказалось.

Тогда она дернула за ящичек письменного стола, но он не поддался. Подавив смутное радостное предчувствие, Уинифред еще раз дернула за ручку и, убедившись, что ящик заперт, опустилась перед столом на колени, стараясь не сломать кринолин. Она хотела воспользоваться собственными шпильками, но поразмыслила и стащила со стола пару железных скрепок. В конце концов, шпильки могли быть сделаны из чистого золота.

Проворно согнув металлические скобы, она вскрыла замочек и нетерпеливо выдвинула ящик. Внутри обнаружились две чистые печати (Уинифред заменила ту, что была обляпана сургучом, на новую), маленькие серебряные ножницы, чистый носовой платок с инициалами и несколько конвертов. Перебрав их, она быстро нашла тот, который искала — кипенно-белый, плотный, с крестом Ост-Индской компании на сургучном оттиске.

В висках возбужденно застучала кровь. Уинифред вытащила из конверта лист бумаги и пробежалась по нему глазами. Убедившись, что это именно то, что нужно мистеру Уоррену, она торопливо свернула письмо и сунула его туда же, куда и печать, а в конверт положила исписанный какими-то цифрами лист бумаги со стола.

Убедившись, что все лежит так же, как и раньше, Уинифред заперла ящичек, встала и отряхнула юбки. Оглядев себя и убедившись, что печать не выпирает, она поспешила к двери.